

былъ господиномъ, принялъ за другое, ему чуждое, зачѣмъ онъ «выставилъ свою внутреннюю клѣть» — могъ такъ увѣренno и гордо отвѣтить, что онъ «все таки *писатель*, а не монахъ»?...

І.

Послѣдній трудъ Кавелина («Задачи этики») вызвалъ въ печати не мало возраженій, но наиболѣе существенными изъ нихъ были тѣ, которыя дѣлались ему уже послѣ смерти его, ставя въ недостатокъ его системѣ то слишкомъ превалирующее значеніе, которое получила у него субъективная сторона нравственной дѣятельности человѣка,—его желаніе или попытку замкнуть нравственную жизнь лица въ узкія рамки личной морали, поставить главною цѣлью индивидууму его внутреннее совершенствованіе, исключивъ для этого или значительно, по возможности, умаливъ его внѣшнюю, объективную (общественную) дѣятельность, обязанность его преслѣдовать какой либо объективный идеалъ въ своей жизни, обязанность, считаемую будто бы Кавелинымъ даже совершенно постороннюю нравственному чувству, такъ какъ, по его мнѣнію, нравственная-де жизнь возможна и безъ проявленія въ объективной (общественной) дѣятельности.

Не говоря уже про то, что Кавелинъ вездѣ настаиваетъ на томъ, что нравственные идеалы должны сдѣлаться «душевными движеніями», душевнымъ настроениемъ, а не быть только руководящими принципами жизни, «фарисействомъ и личиной, поддѣлкой подъ это настроеніе», — что считая, напримѣръ, этическую любовь идеаломъ отношеній человѣка къ другимъ людямъ, онъ говорить про нее, что «любовь эта идеальна, но не даетъ человѣку *оторваться отъ действительности*, искать успокоенія и утѣшенія отъ ея тревол-